

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

УДК 81'367.7

Анисимова Д.А.

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЖИТИИ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей функционирования конструкций со значением побуждения в памятнике книжно-славянской письменности конца XI – XII вв. Житии Феодосия Печерского. Использование в письменном памятнике императивных конструкций – важный критерий для характеристики грамматической нормы литературного языка донационального периода. Строгая норма церковнославянского языка XII – XIV вв. предполагает использование для выражения императивных значений глагола в форме повелительного наклонения, а также конструкций «**да** + императив», «**да** + презентная форма глагола». Снижение строгой нормы древнерусского литературного языка осуществляется за счёт использования наряду с формой императива и конструкцией «**да** + презентная форма» конструкции «**аѣ** / **оѣ** + презентная форма / сослагательное наклонение».

Ключевые слова: норма литературного языка донационального периода, строгая норма, сниженная норма, императивная конструкция, императив, презентная форма глагола.

D. Anisimova

Ulyanov State Pedagogical University

USE OF IMPERATIVE STRUCTURES IN LIFE OF FEODOSY PECHERSKY

Abstract. The article is analyses peculiarities of functioning of structures with imperative meaning in the Slavic literary monument of end of 11-12 century – Life of Feodosy Pechersky. The use of imperative structures in the written record is an important criterion to characterize grammar norm of pre-national period of literary language. The strict norm of church Slavic language of 12-14 centuries supposes the usage of a verb in an imperative mood as well as constructions «**да** + imperative» and «**да** + present verb» to express imperative meanings. Reducing of the strict norm of Old Russian literary language is performed by means of «**аѣ** / **оѣ** + present form / subjunctive mood» structure along with imperative and «**да** + present verb» structure.

Keywords: pre-national period of literary language norm, strict norm, reduced norm, imperative structure, imperative, present verb.

Строгая норма церковнославянского языка XII – XIV вв. предполагает использование для выражения императивных значений глагола в форме повелительного наклонения, а также конструкций «**да** + императив», «**да** + презентная форма глагола».

Указанные средства выражения императивного значения имеют чёткое распределение по лицам, образуя единую парадигму: 1 л. – «**да** + императив / презентная форма»; 2 л. – императив / «**да** + императив / презентная форма»; 3 л. – «**да** + презентная форма» [7, с. 131–132].

Посредством форм повелительного наклонения передаётся категориальное значение побуждения, т. е. осуществляется «представление действия как требуемого, к которому побуждает кого-либо говорящий» [9, с. 620].

В древнерусском языке значение повелительного наклонения выражалось посредством синтетической глагольной формы, изменяющейся по лицам и числам. Единственное число характеризовалось тождественными друг другу формами 2-ого и 3-его лица, множественное и двойственное число – формами 1-ого и 2-ого лица [2, с. 286]. Существование специальной формы 3-его л. ед. ч. императива исследователями всегда подвергалось сомнению (см. об этом ниже).

Конструкция «да + презентная форма», используемая для выражения оптативного значения, противопоставляется некнижной «дательный падеж + инфинитив» или «личное предложение с формой 3-его л. настоящего (будущего) времени без частицы *да* (или её разговорного эквивалента *нусть*)» [4, с. 314]. Конструкция «**да** + презентная форма» использовалась

для выражения значения повелительного наклонения как в старославянском языке (в 1-ом л. ед. ч. и в 3-ем л. мн. ч.) [10, с. 181], так и в восточнославянских диалектах [11, с. 260]. Несмотря на отсутствие генетической связи данной конструкции с греческим синтаксисом [11, с. 259–260], конструкция «**да** + презентная форма глагола», обозначающая приказ, просьбу, пожелание, входит в рамки строгой нормы церковнославянского языка [7, с. 131–132].

Снижение строгой нормы древнерусского литературного языка осуществляется за счёт использования для выражения императивного значения наряду с формой императива и конструкцией «**да** + презентная форма глагола» конструкции «**аѣ** / **от** + презентная форма / сослагательное наклонение». Снижение строгой нормы по данному грамматическому критерию наблюдается в летописях и словах (повестях) XII – XIV вв. [7, с. 134–135].

В Житии Феодосия Печерского (Житие преподобного отца нашего Феодосия игумена Печерского, по сп.: ГИМ, Синодальное собрание, 1063/4 (Успенский сборник) л.л. 26а – 67в. // Успенский сборник XII – XIII вв. / под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1971) (далее ЖФП) обнаружены 162 императивные конструкции. Значение побуждения передаётся посредством форм повелительного наклонения (127 раз), конструкций «**да** + презентная форма глагола» (30 раз), «**да** + императив» (5 раз).

В 1 л. императивная семантика выражается в 9 случаях. 8 раз с помощью формы пов. накл.: **не_осквѣрнѣми си дѣи свокѣ** (92) и т. д. и один раз – с помощью конструкции «**да** + презентная

форма «: **нхъ же тѣгда предѣ собою кѣ господоу посла да тако сподовимъ сѧ слышати гласъ он** (74).

Во 2 л. императивные конструкции употребляются 135 раз. В подавляющем большинстве случаев (118) обнаруживаются формы пов. накл.: **присно же вълаган въ срѣца наша страхъ твои** (117) и др.

В рукописи полностью отсутствуют написания, свидетельствующие об отпадении конечного безударного *-и* во 2 л. ед. ч. императива.

Нетематические глаголы **вѣдѣти, повѣдѣти, проповѣдѣти** и примыкающий по своему спряжению к нетематическим глагол **видѣти** в памятнике последовательно представлены в исконных формах 2 л. ед. ч. и мн. ч. пов. накл.: **вѣжь чьстѣныи очѣ • тако проразоумьникъ всачьскыиныхъ богъ • приведе ма къ стѣости твои** (80); **также кже глѣо вамъ въ тѣмѣ повѣдите на свѣтѣ и кже въ оуши слышасте проповѣдите въ домъхъ** (73). Форма **повѣжь** употреблена в тексте трижды и во всех случаях управляет местоимением **ми**. Ю.В. Шведовой высказана мысль о возможной формульности данного сочетания [12, с. 69]. Отступление от архаичного спряжения нетематических глаголов иллюстрирует зафиксированная в ЖФП одна раз форма 2 л. ед. ч. пов. н. глагола **подати: и кже же и братии подан ѿт нкого да пють** (115). Новые формы пов. накл. глагола **дати** начинают проникать из разговорной речи в книжно-литературный текст с XI в. (Изборник 1076 г., Галичское евангелие 1144 г., Лаврентьевская летопись и др.) [3, с. 342].

В соответствии с нормативным как для древнерусского, так и для современного русского синтаксиса

употреблением форм пов. накл. в абсолютном большинстве случаев императив используется без личных местоимений: **молю вы оубо братик подвигнѣмъ сѧ постѣмъ и мѣтвою и попицѣмъ сѧ о сѣсенни дшѣ наши-нхъ** (92) и т. д. Только дважды в ЖФП зафиксированы сочетающиеся с формой императива препозитивно расположенные личные местоимения: **так ты н(ынѣ) кси вѣдко съвѣкоупилъ въ мѣсто се <...> мы же паки въ твою има съвѣраны въ нь • и ты съблуди ны и съхрани ѿт всакого съвѣта вселоукавааго врага** (117); **братик мога и оци <...> тако же ави ми гѣ въ постѣнок врѣма соущю ми въ пещерѣ • изити ѿт свѣта сего • вы же помыслите въ себѣ кого хощете • да азъ поставлю и вамъ въ себе мѣсто игоумена** (128). В качестве причин употребления личного местоимения при сказуемом, выраженном глаголом 1-ого, 2-ого л., в исторической грамматике назывались значение логического ударения [6, с. 26, 49, 60–61, 79, 102, 112, 160], [13, с. 64–65, 162–164, 463], необходимость подчёркивания субъекта действия, в частности, при противопоставлении [2, с. 404–409], появление возможности использования в качестве сказуемого не только глагола в личной форме, но и причастия со связкой, а также без связки [1, с. 9–10]. Рассматриваемые примеры, как видим, характеризуются и наличием противопоставления субъектов действия, и падением на местоимение логического ударения. В обоих случаях в конструкциях с личным местоимением присутствует обращение. При этом даже при наличии противопоставления обычным в ЖФП остаётся пропуск личного местоиме-

ния при глаголе в личной форме: **ТАКО АЩЕ И КНЯЗЬ ПРИДЕТЬ НЕ ОТЪВРЪЗИ ВРАТЪ** (94) и т.п.

В 12 случаях представлена конструкция «да + презентная форма»: **ДА БОУДЕТЕ СЪВЪРШЕНИ ТАКО ЖЕ И ОЦЬ ВАШЬ НБСЪНЫИ СЪВЪРШЕНЪ КСТЪ** (129) и др.

5 раз представлена конструкция «да + императив»: **ДА НЕ ЗАЗЪРИТЕ ПАКЫ ГРОУВОСТИ МОКИ** (73) и др.

В 3 л. императивная семантика в абсолютном большинстве случаев выражается описательно (всего 17 раз из 18). 16 раз с этой целью используется конструкция «да + презентная форма»: **МИЛОСТИВЪ БОУДИ ДИИ МОКИ ДА НЕ СЪРАЩЕТЪ КИ ПРОТИВЪНЫИХЪ ЛОУКАВЪСТВО** (127) и т.д.

Нетематические глаголы во всех случаях представлены в исконных презентных формах 2-ого, 3-его л.: **ГЛААШЕ ИМЪ РОУЦЪ СЪГЪВЕНЪ НА ПРЪСЪХЪ СВОИХЪ КЪЖДО ДА ИМАТЕ** (99) и т.п.

Один раз представлена конструкция «да + презентная форма (связка) + краткое страдательное причастие»: **ГЛААХОУ • СЪМО ДА ВЛЕЧЕНЪ БОУДЕТЬ** (100).

Один раз для выражения пожелания, относящегося к 3-ему лицу, используется форма пов. накл.: **И СЕ МЪСТО БОУДИ ВЪ НЕМЪ** (80). Форма **БОУДИ** в данном случае не может быть однозначно истолкована как форма 3-его л. ед. ч. пов. накл. А.А. Шахматов относит конструкции «форма пов. накл. + имя существительное со значением субъекта» к морфологическому сослагательному (синтаксическому желательному) наклонению [13, с. 102–103]. К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев делают замечание о том, что

распространённое мнение о наличии у формы пов. накл. 2-ого л. ед.ч. значения 3-его л. является верным только «в связи с «побуждением» к действию божественной силы <...>. Во всех остальных случаях побуждение, имеющее в виду вполне реальное 3-е л., в единственном числе выражалось <...> описательно» [3, с. 313]. В работе «Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол» [4, с. 137] также приведены аргументы в пользу отсутствия в древнерусском языке специальной формы пов. накл. 3-его л. ед. ч.: во-первых, в большей части конструкций с формой пов. накл. ед. ч. и субъектом действия, выраженным именем существительным, употреблены формы *буди, даи* в составе более или менее устойчивых сочетаний, во-вторых, такие конструкции, как правило, не являются побудительными в собственном смысле, а выражают значение пожелания, долженствования и т. п., в-третьих, необходимо учитывать и тот факт, что прямое побуждение может быть обращено лишь к непосредственному адресату. На основе названных доводов авторами делается следующее заключение: «можно считать, что материалы памятников письменности не дают достаточных оснований для выделения особой формы 3-его л. ед. ч. в парадигме пов. накл. Эта форма, если она раньше и была в др.-рус. языке, к началу исторической эпохи сохранилась только как реликт прежнего опативного значения славянского пов. накл.» [4, с. 137].

Общее значение побуждения, выражаемое императивными конструкциями, может конкретизироваться посредством лексического значения глагола и контекста.

У императивных конструкций 1-ого л. грамматическое значение побуждения осложняется оттенком *призыва к совместному действию*: **НЕ_ОСКВЪРНАВИМЫ СИ ДША СВОКІА** (92) и т. п. или *призыва к совместному действию и мольбы*: **И СИЦЕ ЖЕ ИМЪ ГЛААШЕ • МОЛЮ ВЫ ОУБО БРАТНИК ПОДВИГНѢМЪ СІА ПОСТГЪМЪ И МЛТВОЮ И ПОПИЦѢМЪ СІА О СІСЕНИИ ДШЪ НАШИИХЪ** (92) и т. п.

Более широкий спектр коннотаций представлен императивными конструкциями 2-го л. Для форм пов. накл. актуальными здесь являются следующие семантические оттенки: *требование* разной степени категоричности: **ГЛА ТОМУ БЛАЖЕНЫИ ПРЬВѢК БРАТЕ КЛИМЕНТЕ ИЗНЕСИ СИ СТОК ЕУАНГІЛИК** (106) и т. п.; *просьба*: **ГІ ІЪ ХѢ МОН ОУСЛЫШИ МЛТВОУ МОЮ • И СЪПОДОВИ МА СЪХОДИТИ ВЪ СІАІА ТВОІА МѢСТА И СЪ РАДОСТІЮ ПОКЛОНИТИ СЯ ИМЪ** (75) и т. д.; *совет*: **БЛЖЕНЫИ ЖЕ РЕЧЕ КЪ НЕИ • ТО АЩЕ ХОЩЕШИ ВИДѢТИ МА ПО ВСІА ДНИ ИДИ ВЪ СНИ ГРАДЪ • И ВЪШЪДЪШИ ВЪ КДИНЪ МАНАСТЫРЬ ЖЕНЪ И ТОУ ОСТРИЗИ СІА** (82) и др.; *увещание*: **ТЪГДА ГЛА КМОУ ЖЕНА КГО ПОСЛОУШАИ ГІ И НЕ ГНѢВАН СІА** (84) и т. п.; *мольба*: **МОЛЮ ТИ СЯ ЧАДО ОСТАНИ СІА ТАКОВААГО ДѢЛА** (77) и др.

Дополнительными семантическими оттенками конструкции «да + презентная форма глагола во 2 л.» являются следующие: *просьба*: **БЛАЖЕНЫИ ЖЕ ВИДѢВЪ ТАКО НАЛЕЖАНИК ДЪЖДЮ • ПРИЗЫВАВЪ ЖЕ КЕЛАРА ГЛА КМОУ • ДА ПРИГОТОВИШИ НА ВЕЧЕРЮ БРАШНА НА ГАДЪ КЪНАЗЮ** (114) и т. п.; *совет*: **АЩЕ ХОЩЕШИ ВИДѢТИ И ДА ИДЕШИ НЫНѢ ВЪ ДОМЪ** (81) и др.; *требование*: **ГЛА ТОМОУ БЛАЖЕНЫИ <...> АЩЕ ЛИ ЖЕ ТО ДА СЪВАРИВЪШЕ ПЫШЕНИЦУ • ТИ ТОУ СЪМАТЪ СЪ МЕДЪМЪ ПРѢДЪСТАВИШИ**

(Н)А ТРАПЕЗѢ БРАТИИ (109) и т. п.; *долженствование*: **ГЛААШЕ ИМЪ РОУЦѢ СЪГЪВЕНѢ НА ПРЬСЪХЪ СВОИХЪ КЪЖДО ДА ИМАТЕ** (99) и т. д.; *неограниченная возможность совершения действия (разрешение)*: **И НАЧАТЪ ОУВѢЩАВАТИ ХЪА СЛОУГОУ ГЛАГОЛЮЩИ <...> И КЖЕ ТИ НА ПОТРЕБОУ И НА СІСЕНИИ ДШИ • ДА ДѢЛАКШИ ВЪ ДОМОУ СИ ПО ВОЛИ СВОКИ** (82).

Конструкция «да + императив во 2 л.» характеризуется следующими семантическими оттенками: *просьба*: **МОЛЮ ЖЕ ВЫ О ВЪЗЛЮБЛЕНИИ ДА НЕ ЗАЗЫРИТЕ ПАКЫ ГРОУБОСТИ МОКИ** (73) и др.; *увещание-мольба*: **БЛАЖЕНЫИ ЖЕ ТОЖЕ АЩЕ ТАКО БОИШИ СЯ МЕНЕ • ТО ДА СЪТВОРИ ВОЛЮ МОЮ И ВЪЗВРАТИ БРАТА СВОКГО НА СТОЛЪ** (124) и т. п.

В 3-ем л. посредством императивных конструкций последовательно выражается значение желательности: **И ДА ИЗБАВИТЬ МА УТ НАПАСТИ СЕІА** (131) и т. д.

Таким образом, в употреблении императивных конструкций в ЖФП в целом не обнаружено отклонений от реализации строгой нормы церковнославянского языка. Это проявляется в том, что императивное значение выражается в соответствии с парадигмой, характерной для языка книжно-славянских текстов, в полном отсутствии свойственных для живой речи и деловой письменности утраты конечного безударного *-и* во 2-ом л. ед. ч. императива, а также замены суффиксального *-ѣ-* на *-и-* в императиве 2-ого л. мн.ч. глаголов 1, 2 классов [4, с. 145–146], в использовании (за исключением единичного случая *подан*) исконных форм нетематических глаголов как в презенсе, так и в императиве.

Парадигма, посредством которой выражается императивное значение, в ЖФП в целом находится в рамках строгой нормы церковнославянского языка. Особенностью данного памятника является абсолютное преобладание императива над конструкцией «**Да** + презентная форма» в 1-ом л. Оба способа выражения императивного значения одинаково возможны в текстах XI в., для языка же памятников XII – XIV вв., к числу которых относится ЖФП, более характерно использование в данной функции конструкции «**Да** + императив / презентная форма глагола» [8, с. 77–80, 124].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Басенко К.В. К истории употребления местоимений в функции подлежащего в русском языке по памятникам XI – XVII вв.: автореф. канд. дисс. ... филол. наук. Днепропетровск, 1960. 24 с.
2. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 511 с.
3. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981. 359 с.
4. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / под ред. Р.И. Аванесова, В.В. Иванова. М.: Наука, 1982. 440 с.
5. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1956. 596 с.
6. Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М. – Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Ленингр., 1946. 200 с.
7. Ремнёва М.Л. История русского литературного языка. М.: Филология, 1995. 400 с.
8. Ремнева М.Л. Литературный язык Древней Руси. Некоторые особенности грамматической нормы. М.: Наука, 1988. 141 с.
9. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 784 с.
10. Селищев А.М. Старославянский язык. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2005. 552 с.
11. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI – XVII вв.) М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
12. Шведова Ю.В. Лингвистические особенности севернорусских житий XVII в.: грамматика: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 318 с.
13. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.